

**Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»**

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии,
истории, политологии**

Сборник научных трудов

**по материалам
IV международной научной конференции**

1 февраля 2017 г.

LJOURNAL.RU

Самара 2017

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии. Сборник научных трудов, по материалам международной научно-практической конференции 1 февраля 2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. - 36с.

SPLN 001-000001-0092-OK
DOI 10.18411/spc-01-02-2017
IDSP 000001:spc-01-02-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на IV международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0092-OK

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ	4
Калинина Г.Н., Штейнмиллер И.О. Специфика герменевтического метода для рефлексии феноменов культуры	4
Лобанов Е.В. Политические функции права войны	5
РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ	9
Губченко В.А. Влияние интернет-коммуникации на формирование политической повестки дня (политико-психологический анализ)	9
Кулинченко А.В., Кулинченко Д.А. Свобода как родовая сущность человека и трудности её обретения и реализации в общественно-политической жизни.....	12
Роговский Е.А Выборы в США: инновации и информационная безопасность	17
РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ	33
Владимирская О.Ю. Колония Фурии: панэллинство или инструмент афинской экспансии?	33

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ

Калинина Г.Н., Штейнмиллер И.О.

Специфика герменевтического метода для рефлексии феноменов культуры

*Белгородский государственный институт искусств и культуры
(Россия, Белгород)*

doi:10.18411/spc-01-02-2017-01

idsp: 000001:spc-01-02-2017-01

Аннотация

Статья посвящена обоснованию актуальности герменевтико-феноменологической модели интерпретации культуры, показывается специфика данной методологии, вмещающей в себя иррациональное постижение феноменов культуры посредством внутренних процессов мысленного «вживания», «предпонимания» и психологического проникновения субъекта историко-культурного процесса в «дух» и интеллектуальный климат эпохи.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, предпонимание, история, феномены культуры, философия искусства, «эстетическое».

По-видимому, мы не ошибемся, сказав, что перестройка духовно-нравственных начал личностного и социального бытия на всеохватном фоне системного кризиса – насущная задача современного человечества. «Проявление кризиса очевидно и в российском обществе, говорят ученые, и он не мог не привести к негативным явлениям в отечественном гуманитарном и философском знании [1, с. 3]. Как следствие – деструкции в духовной и культурной жизни: утрата нашими согражданами своих исторических корней, нарушение «связи времен и поколений», невысокий уровень культурно-исторического сознания молодежи... Тем самым процесс выхода из тотального кризиса еще более затрудняется. Сохранение и приумножение отечественного культурно-исторического наследия рассматривается нами в качестве одного из ведущих факторов духовной безопасности страны [1, с. 3-4]. В данной связи мы обращаемся к отечественному философскому наследию в лице Г.Г. Шпета, к его философско-герменевтическому дискурсу, на фоне которого он предстает и как переводчик, и как литератор, и как музыковед. По нашему мнению, философия культуры как часть всего шпетовского творческого наследия, содержит крайне актуальные идеи, которые вполне могут быть востребованными культурой XXI века. Они резюмируются в указанных философом ориентирах: он не просто говорит, а настаивает на необходимости «реанимации «эстетического» как одной из центрирующих всю сферу культуры категории. Рефлексии подвергаются и такие, лежащие в сфере шпетовской герменевтики понятия, как «эстетический предмет», «эстетическая деятельность», «эстетическая сфера», «реальный предмет» и его «эстетическое значение» [2, с. 487].

Примечательно, что на собственно философскую основу герменевтико-феноменологическая модель интерпретации культуры была поставлена еще в раннем немецком романтизме И.Ф.Шеллингом. Развита западными мыслителями (В. Дильтей, Л. Ранке, Ф. Шлейермахер), опирающихся на оригинальную философию истории И.С.Гердера. Как отмечают исследователи, «...в трудах этих мыслителей внимание совершенно справедливо концентрировалось на таких вещах, как «историчность природного бытия и человеческого общества», «самоценность (самоцельность) национальных и исторических форм культуры, каждого из исторических состояний [1, с. 4]. Тем самым оспаривалась всякая тотальная рационализация, программное конструирование таких феноменов, как «ценностный» (шире – «жизненный мир») человека, границы которых не укладывались в ложе «чистого интеллекта»

Если же, скажем, попытаться реконструировать герменевтико-феноменологическую модель, «несогласную» с крайностями философского рационализма, то мы увидим: ее «строительными лесами» выступает интерпретация

культурно-исторических феноменов как специфического – «интуитивного переживания субъекта», восприятия им своих собственных (личностных) состояний. Соответственно, все феномены культуры осмысливаются с точки зрения индивидуально -и культурно-психологического подходов. То есть, «их следует не просто объяснять на основе определенного представления о связи общего и частного, но и понять, воспроизведя как уникальное порождение индивидуальности при перемещении интерпретатора в «горизонт автора» и «переплавлении» их горизонтов. Такое возможно посредством языка, являющегося несущей основой передачи культурного опыта от поколения к поколению, обеспечивающего возможность традиции и диалога между культурами» [1, с. 14]. (Данный аспект, заметим, особо хорошо раскрывает в цикле своих работ по философии культуры Г.Г. Шпет). Следовательно, с позиции метода герменевтики понимание культурно-исторических ситуаций и феноменов культуры предстает процессом сближения (далее - слияния) обоих горизонтов: автора и интерпретатора. Причем, осознание последним собственной культурно-исторической обусловленности, проникновение в уникальность культурно-исторической ситуации в ее субъектной рефлексии, работает на преодоление как его собственной партикулярности, так и партикулярности интерпретируемого текста. Тем самым образуется новый, более широкий культурно-исторический горизонт, где строгой рациональности, логико-дискурсивному мышлению противопоставляется некое иррациональное содержание, интуиция, «жизненный порыв», религиозное озарение. В целом же с понижением уровня абстракции и «тотальных рационализаций» «жизненный мир» субъекта предстает в его собственно человеческих особенностях. В этом – характерная черта герменевтики (как искусства толкования, интерпретации текстов) и ее метода, что, собственно, мы и старались показать в границах нашей статьи.

Список используемых источников информации

1. Рашина Г.Н. Автореф. к. дисс. Философско-культурологические модели интерпретации исторического знания. 24.00.01. Белгород, 2005. 22 с.
2. Шпет Г.Г. Психология социального бытия / Под редакцией Т. Д. Марцинковской; М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 492 с.

Лобанов Е.В.

Политические функции права войны

(Россия, Гай)

doi:10.18411/spc-01-02-2017-02

idsp: 000001:spc-01-02-2017-02

В изучении права войны учёт особенностей сферы политики имеет важнейшее значение. Будучи по природе организованным явлением, война начинается с принятия политических решений. Мотивами политиков в таком случае могут быть как нравственные общественные соображения, так и сугубо личные. Оба варианта мотивов предполагают наличие противоположных взглядов в социальных отношениях. При этом целью политики всегда остается достижение и укрепление власти. По словам Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «любые демократии имеют общую природу с деспотиями» [1, с. 117]. Однако их «общая природа» состоит не в стремлении к насилию, а в поддержании социальных отношений. Таковы взгляды на нее социологов Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и, в некоторой степени, М. Вебера.

Функции права войны в отношении политики следует разграничивать на относящиеся к внутренним действиям и к внешним. Мы выделили четыре политические функции права войны: его влияния на рейтинг политического одобрения и легитимность решений, принимаемых политиком, а также поддержания сотрудничества между государствами и создания отношений коллективной безопасности между ними.

Право войны и рейтинг политического одобрения

Структуры международного права накладывают на государства обязательства, но их принятие зависит от особенностей внутренней политики. Предполагается, что международное право отражает интересы всех государств [7]. Однако их интересы могут быть и полем политической конкуренции [7].

Политические партии порой используют международное право для борьбы с конкурентами или для укрепления репутации. Одним из примеров этого является случай соглашения о свободной торговле в 1992 году между Североамериканскими странами. Дебаты о соглашении привели к расколу партии демократов в США, при этом будущий президент Клинтон лишился поддержки избирателей. Республиканская же партия была, напротив, крайне заинтересована в увеличении влияния и приняла соответствующий закон, а действующий президент использовал ситуацию, получая голоса избирателей. В свою очередь, демократическая партия искажила свою позицию и лишилась части одобрения, хотя и получила победу в выборах демократа Билла Клинтона. Международное право здесь оказалось под влиянием политической обстановки. Случается, однако, и нечто противоположное. Международные обязательства происходят из общественного соглашения об их приемлемости и касаются также вопросов объявления войны. Здесь общественное мнение выступает одним из условий исполнительных функций политика и поэтому неотделимо от него. Отказываясь от выполнения международных обязательств, последний обязан поддерживать контакт с собственной группой. В противном случае нарушение обязательств будет вести к разрыву социального контракта. Примером подобного отказа может выступать решение британского премьер-министра Тони Блэра о начале войны в Ираке, не поддержанное населением и лишившее его общественной поддержки в стране. В этом случае право войны стало условием функционирования отношений внутри страны.

Право войны и легитимность политических решений

Механизмы легитимации действий политиков содержатся в конституциональном устройстве государств. Так, французский президент Франсуа Олланд, установивший после избрания антирекорд популярности, в 2014 году одобрялся лишь 13 процентами граждан. Низкая популярность, однако, не лишила его доверия парламента [2]. В основе действия этих механизмов лежит принцип разделения властей. Три ветви власти, законодательная, исполнительная и судебная, независимо друг от друга реализуют конституцию. В отношении военных полномочий ни одна из ветвей не может обладать реальной возможностью начинать и вести войны подобно суверенам прошлого.

Традиционно начало и ведение войны распределяется между законодательной и исполнительной ветвями власти. Первой принадлежит право объявлять о начале войны, а также набирать и финансировать вооруженные силы. Благодаря контролю над финансами законодатели исключают злоупотребление полномочиями со стороны главнокомандующего. Лояльность армии и самостоятельность властей в принятии решений могут войти в конфликт с интересами собственного народа. Полномочия главнокомандующего, тем не менее, запрещают законодательным органам вести войну. Будучи многочисленными и открытыми, они не могут принять необходимое и быстрое решение. Поэтому исполнительная власть назначает главнокомандующего, который имеет возможность организовывать отражение агрессии по своему усмотрению. На судебную власть накладываются обязанности по отслеживанию законности действий остальных ветвей. Законность начала войны рассматривается как законодательной, так и исполнительной властью. Распределение полномочий между ними таково, что никто не может единолично принимать решения по вопросу начала войны.

Так как глава исполнительной власти несет личную ответственность за ее деятельность, то факторы, влияющие на его политическую позицию, достаточно многообразны. Рейтинги общественного одобрения и лидерства могут связывать его инициативу с личными амбициями, поэтому зачастую оказывающие сильное воздействие на общественное восприятие военные решения могут быть предпочтительными в его политической программе. Следуя личным соображениям, он может отказаться от затратных переговоров с парламентом и предпринять чрезмерные и односторонние действия. В этом случае законодательная власть обладает правом

провозглашать такие действия незаконными и отказываться от их поддержки. Конституция, будучи суверенным документом, тем не менее, признает над собой верховенство международного права. В российской конституции это указано в Статье 15, в конституции Соединенных Штатов – в Статье 1, в Основном законе Германии – в Статье 25. Любое легитимное действие, способствующее началу войны, должно, таким образом, соответствовать международно-правовому решению о его законности и незаконности.

Право войны и сотрудничество между государствами

Международные отношения всегда занимают одну из главенствующих позиций в политической повестке многих государств. С усовершенствованием методов и средств передачи информации заключение договоров, сделок и соглашений требует еще более энергичного подхода в вопросах коммуникации с другими странами. Входя в многосторонние отношения, государства сталкиваются с фундаментальной проблемой нехватки информации о возможностях и намерениях других государств [8]. Имеющиеся в наличии данные из-за неправильной интерпретации нередко создают представления о внешней угрозе. Неверные представления могут вести к конфликтам и разрывам отношений. Действуя рационально, государства в таких ситуациях взвешивают потенциальные негативные последствия, а также выгоду, которую они могут получить посредством достижения определенных целей. Издержки сверхдержав иногда оказываются настолько значительными, что представляют угрозу не только для них самих, но и для всего мира. В частности, антагонизм между СССР и США во время Холодной войны вынудил эти страны придерживаться стратегии взаимного сдерживания, так как их прямое столкновение грозило глобальной ядерной войной.

В соответствии с принципом экономии сил для реализации своих программ государства ищут наименее затратные решения, формируют механизмы для улучшения средств коммуникации. В этом случае право войны обеспечивает общий, разделяемый всеми свод правил, который увеличивает осведомленность одних государств относительно политических предпочтений других. Заявляя о приверженности международным обязательствам, можно сделать свою позицию более предсказуемой и ясной, улучшая тем самым отношения с другими странами. Предсказуемая и понятная политика снижает риск ложных интерпретаций и опасность конфликта, что повышает вероятность достижения доверия и согласия, создавая предпосылки к тому, чтобы последующее стабильное сотрудничество облегчало реализацию интересов каждой из сторон межгосударственных отношений. Не соблюдающие договоры или не участвующие в них страны сталкиваются с санкциями и прекращением сотрудничества. Например, их ядерная программа вызывает подозрение [3, 4].

Наличие коммуникации между государствами еще не означает установившегося между ними доверия. Краткосрочные контакты могут рассматриваться как выгодные сделки, в которых выигрыш перевешивает негативные последствия. В таких отношениях страны ориентируются на собственные интересы [9]. Однако соблюдение взятых на себя обязательств может инициировать и долгосрочные доверительные отношения, что выражает «дипломатический» аспект права войны. Доверие предполагает, что участники будут стремиться соблюдать интересы остальных и рассматривать друг друга как честных, надежных, лояльных партнеров [6].

Доверительные отношения особенно важны там, где необходима кооперация и быстрая борьба с вызовами коммуникации [9]. В качестве вызовов могут выступать подписание договоров или их изменение по наиболее чувствительным вопросам: балансу сил, экономической выгоде или суверенитете. Глобальные проблемы также требуют объединения усилий: борьба с мировым терроризмом и организация коллективной безопасности возможны только при взаимном доверии и кооперации. Приверженность принципам права войны может послужить необходимым источником доверия и способствовать коммуникации, решению проблем дальнейшего сотрудничества. Нарушение права войны, напротив, может стать причиной прекращения или даже распада международных отношений. Соблюдение международного гуманитарного права способствует принятию общих ценностей, принципов, частей культуры. При определенных условиях коллективные представления могут перерасти в международную культуру [9].

Международная безопасность и право войны

Способность государства участвовать в международной коммуникации оказывает влияние на его успех и в достижении безопасности от внешней угрозы. Сегодня государства должны выбирать между двумя подходами: концепцией безопасности через достижение и поддержание баланса сил или через формирование договоров об общей или коллективной безопасности. Подходы в определенных ситуациях могут быть и общими. Например, принято считать, что НАТО одновременно сдерживала силы ОВД и защищала от вторжения малые государства, такие, как Исландия. Однако принципы, лежащие в основе этих подходов, оказывают различное действие на безопасность государств. Концепция коллективной безопасности предполагает обязательства всех стран по соблюдению мира путем отказа от агрессии и предпочтения мирных инструментов насилию [5]. Система коллективной безопасности может включать как Совет безопасности, так и региональные альянсы (НАТО, ОДКБ, ЕС). В свою очередь, концепция баланса сил предполагает систему международных отношений, в которой нации пытаются достичь равновесия в военно-политической мощи. Достижение равновесия предотвращает внешнее нападение ввиду неуверенности в победе над врагом. Союзы в такой системе заключаются с целью противостояния превосходящей силе и опираются на военное сдерживание [5].

Будучи в союзе или вне его, государство должно полагаться на собственную мощь. Баланс сил не остается постоянным и может быть нарушен появлением гегемонии одной из сторон. Обладание перевесом в силах дает гегемону возможность диктовать волю более слабым. До оформления Организации объединенных наций вторжение превосходящих сил в более слабые государства приводило к их колонизации или аннексии. Сегодня военная оккупация не означает прежнюю колонизацию или завоевание [5]. Сильные государства не имеют правовых оснований на присоединение новых территорий. Однако в противостоянии гегемону оккупация приводит к смене правящего режима на более дружественный или отвечающий интересам вторгающихся. Альянсы, даже наиболее сильные, такие как ОДКБ или НАТО, создаются в соответствии с международным правом. Государство-изгой, не входящее в систему коллективной безопасности или не соблюдающее международное право, может, поэтому, испытывать угрозу собственной безопасности со стороны других организаций.

Таким образом, перечисленные выше эффекты являются функциональными проявлениями права войны в политических отношениях. Они состоят в управлении рейтингом политического одобрения, влиянии на способности политиков поддерживать общественные отношения, укреплять и удерживать власть благодаря институту легитимности. Функции права войны также влияют на возможность государств пользоваться выгодой от международного сотрудничества и получать пользу от отношений общей и коллективной безопасности.

Список используемых источников информации

1. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
2. Дмитрук, С. Электоральные предпочтения на фоне событий на Украине в конце 2013-2014 г.: социологический аспект / С. Дмитрук // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - № 2 (52). – 2015. – С. 67-70.
3. Межкорейские отношения и политика региональных держав (научный доклад) / отв. ред. В.В. Михеев, А.Н. Федоровский. - М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 61 с.
4. Носов, М. ЕС – Корея: две страны, две политики / М. Носов // Современная Европа. - №1. - 2013. - С. 31.
5. Concepts of security, Department for disarmament affairs report of the secretary-general. – NY.: United Nations publication, 1986. – 51 p.
6. Hoffman, A. A conceptualization of trust in international relations / A. Hoffman // European journal of international relations. – 2002. - vol. 8. – P 375-401.
7. Nzelibe, J. Strategic Globalization: international law as an extension of domestic political conflict / J. Nzelibe // Northwestern university law review. vol. 105. - issue 2. - 2011. – P. 635-688.
8. Ostry, D. Ghosh, A. Obstacles to international policy coordination, and how to overcome them / D. Ostry, A. Ghosh. - IMF, 2013 [электронный ресурс]. - режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1311.pdf>. (дата обращения: 28.01.2017).
9. Wendt, A. Social theory of international politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge university press, 1999. - 447 p.

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

Губченко В.А.

Влияние интернет-коммуникации на формирование политической повестки дня (политико-психологический анализ)

*Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-01-02-2017-03

idsp: 000001:spc-01-02-2017-03

Политическая сфера сегодня переживает «коммуникационную революцию». В политике все чаще применяются новейшие коммуникационные технологии, в особенности интернет-технологии. Другими словами, Интернет стал инструментом реализации политики.

Современная массовая коммуникация — один из интереснейших для исследователей феноменов. В общих чертах массовую коммуникацию определяют как систематическое распространение сообщений среди обширных по количественному параметру аудиторий с целью влияния на мнения и поведение людей. Соответственно, массовая интернет-коммуникация обладает всеми признаками массовой коммуникации, однако ее пространство — это Интернет.

Действительно, одними из главных каналов массовой коммуникации сегодня признаются СМИ и Интернет. В рамках массовой коммуникации для интернет-пользователей СМИ остаются ключевым источником информации о политических событиях, процессах и их участниках. При этом отмечается интеграция традиционных медиа и Интернета: появляются интернет-СМИ, традиционные СМИ открывают интернет-версии изданий, а журналисты обращаются к блогосфере и социальным сетям как к дополнительному источнику информации.

В рамках политологии исследователи фокусируются на массовой политической коммуникации, то есть взаимодействия людей по поводу политики в процессе массовой коммуникации. Очевидно, что для эффективное использование возможностей массовой коммуникации не обходится без психологических методов продвижения определенных тем и мнений или без манипулирования массовым сознанием. Известный российский ученый Т.В. Евгеньева в своих трудах обобщила психологические механизмы, применяемые в массовой политической коммуникации.

Согласно Т.В. Евгеньевой, психологические механизмы делятся на две группы: механизмы восприятия информации и механизмы воздействия на сознание и поведение людей. В первую группу входят: механизм стереотипизации, механизм идентификации, механизм социальной категоризации, механизм социальной атрибуции и механизм каузальной атрибуции. Во вторую группу психологических механизмов включаются: убеждение, внушение, эмоциональное заражение и подражание.

Что именно позволяют распространять политические механизмы в политической интернет-коммуникации? Интернет-пользователи воспринимают окружающую политическую реальность и затем зачастую транслируют результат восприятия в публикуемых ими сообщениях (постах) в интернет-пространстве. Согласно известному российскому политическому психологу Е.Б. Шестопал, результатом политического восприятия становятся политические образы. Политические образы отражают реальные характеристики объекта восприятия, которые впоследствии закрепляются через их символическую репрезентацию. Объектом восприятия могут быть политическая власть, личность политического лидера, особенности политической партии или страны в целом.

Важно подчеркнуть то, что интернет-коммуникация сделала общедоступными те политические образы, которые формируются у интернет-пользователей. Политические образы могут содержаться в постах интернет-пользователей, фото- и видео-материалах, выкладываемых в интернет-пространстве.

В политико-психологическом исследовании нас интересует то, как при помощи психологических механизмов осуществляется процесс формирования политических образов и символов в интернет-коммуникации. Однако мы задаемся вопросом: распространяются ли политические образы и символы, изначально появившиеся в Интернете (преимущественно в блогосфере и социальных сетях), за пределами интернет-пространства, в «оффлайне»?

Для ответа на этот вопрос мы обращаемся к другому процессу, занимающему современных политологов, — формированию повестки дня, в частности, политической повестки дня. Традиционно считается, что установлением официальной политической повестки дня занимается политическая власть, а влияние на этот процесс иных институтов, например, СМИ, незначительно. Такого мнения придерживается американский политолог Джон Кингдон. Ученые Джеймс Диаринг и Эверетт Роджерс, помимо политической повестки дня, устанавливаемой государством, выделяют также медиа-повестку, которую создают СМИ, и публичную повестку дня. Публичная повестка дня находится под влиянием не только двух вышеуказанных типов повестки, но и зависит от личного опыта.

Логичным представляется следующее замечание: те интерпретации политической реальности, которые преподносятся интернет-пользователями в общедоступных сообщениях, например, в блогосфере или социальных сетях, составляют существенный сегмент публичной повестки дня. При этом между тремя типами повестки дня наблюдается взаимопроникновение. Журналисты, которые ведут блоги в Интернете, также принимают участие в публичной повестке дня. Отдельные политики, политические партии и организации, целые политические институты также внедряются в публичную повестку дня, используя интернет-технологии для продвижения аудитории официальной политической повестки.

В нашем исследовании мы выдвигаем гипотезу о том, что процесс формирования политической повестки дня претерпевает определенные изменения под влиянием массовой коммуникации. При этом исследование сфокусировано на психологических аспектах интересующего нас процесса. Традиционные СМИ, формируя собственную медиа-повестку, взаимодействуют с Интернетом как с дополнительным источником информации и таким образом черпают политические образы и символы, циркулирующие в интернет-коммуникации. СМИ транслируют те или иные политические образы и символы медиа-аудитории, часть которой впервые узнает о них не из «онлайна», а из медиа-повестки. Кроме того, наиболее резонансные кейсы обращают на себя внимание политиков и политической власти в целом.

Психологические механизмы позволяют популяризовать и «поднять» политические образы и символы с локального уровня (Интернет) до федерального (официальная повестка дня). Технологические возможности Интернета также способствуют быстрому усвоению и популяризации политических образов и символов. Трактовки политических событий и процессов, формирующиеся в Интернете, распространяются от одного интернет-пользователя к другому, принимают устойчивую форму интернет-мемов. По словам британского этолога Ричарда Докинза, мем представляет собой единицу информации, принявшую устойчивую форму и неограниченно воспроизводимую участниками коммуникационного процесса. Зачастую политические интернет-мемы остаются продуктом локального уровня интернет-коммуникации, однако в последние годы сформировался целый ряд политических интернет-мемов (как за рубежом, так и в России), освещённых в СМИ, используемых в публицистике, отмеченным в публичных заявлениях и выступлениях

множества политиков и, таким образом, попавших на некоторый период времени в политическую повестку дня.

Необходимо выделить неоспоримые коммуникационные преимущества Интернета, а именно такие характеристики, как мультимедийность контента, интерактивность, скорость распространения информации в Интернете. Это позволяет сделать интернет-контент различного формата и содержания, например, политические мемы, общедоступным и массовым.

Интернет-пользователи «упаковывают» в формат интернет-мемов политические образы и символы. Конкретному политическому событию, процессу или его участнику начинает соответствовать тот или иной интернет-мем. Иными словами, интернет-мем становится формой политических образов и символов в Интернете, а политические образы и символы, соответственно, — содержанием интернет-мема.

Так, к примеру, эвфемизм «вежливые люди», появившийся в среде блогеров платформы “Livejournal” («Живой Журнал») в конце февраля 2014 года, изначально использовался интернет-пользователями. Впоследствии был установлен точный автор мема: блогер Борис Рожин. В дальнейшем мем «вежливые люди» распространялся и российскими СМИ, например, в мае 2014 года на сайте информагентства «РИА Новости» была опубликован материал «Вежливые люди» как новый образ Российской армии», а в газете «Аргументы и факты» вышла статья под названием «Что означает выражение «вежливые люди» и как оно появилось?».

В целом интернет-мем «вежливые люди» — это образ политической власти в России. В качестве символа выступают вооружённые силы. Образ амбивалентен в плане эмоциональной составляющей. Так, оппозиционно настроенные интернет-пользователи склонны были трактовать образ «вежливых людей» как военную силу государства-агрессора, действующую в нарушение международных соглашений и подвергающих опасности мирных граждан. Следовательно, мем «вежливые люди» закреплял негативный образ власти. С другой стороны, лояльные спикеры использовали образ в контексте описания успехов власти в военной и дипломатической сферах: проведение бескровной спецоперации по защите мирного населения Крыма.

Со временем стали расширяться содержательные характеристики образа. Изначально образ был связан со спецоперацией в Крыму, однако впоследствии образ помещался в контекст других событий и тем, возникавших в повестке дня. В изменённом контексте мем был использован в марте 2014 года во время телепередачи «Прямая линия» Президентом России Владимиром Путиным, обозначившим в качестве «вежливых людей» российских бизнесменов, попавших в санкционный список США. Министр иностранных дел России Сергей Лавров на пресс-конференции ООН в октябре 2015 года выражением «вежливые люди» обозначил российскую власть в рамках заявления об отсутствии у России планов по расширению авиаударов на Ирак.

Примером использования образа в расширенном негативном контексте служит заявление депутата собрания депутатов Гдовского района от партии «Яблоко» Александра Конашенкова, который использовал эвфемизм «вежливые люди» в отношении неизвестных лиц, оказывавших давление на депутатов местного самоуправления при сборе подписей за Льва Шлосберга, оппозиционного кандидата на должность губернатора Псковской области.

Существенную роль в формировании образа сыграл такой психологический механизм, как стереотипизация: конструирование упрощенного образа объекта восприятия, в котором субъектом восприятия выделяются значимые и отбрасываются незначимые свойства и характеристики. Наиболее наглядно результаты стереотипизации проявились в негативной коннотации мема «вежливые люди»: схематичное и упрощенное представление о политической власти, обладающее яркой эмоциональной окраской.

Таким образом, в исследовании выдвигается гипотеза о том, что возможности интернет-коммуникации позволяют в специфической форме влиять на процесс формирования политической повестки дня. Посредником в этом процессе выступают СМИ и медиа-повестка, формируемая ими. СМИ, используя Интернет, в частности, блогосферу и социальные сети, как источник информации, перенимают и ретранслируют политические интернет-мемы. Последние, в свою очередь, аккумулируют политические образы и символы, которые ранее распространялись в рамках политической интернет-коммуникации. Наиболее значимые политические интернет-мемы затем попадают в политическую повестку дня: их употребляют в речи политики, они используются в текстах выступлений и заявлений, учитываются политтехнологами. Описываемый процесс осуществляется при помощи психологических механизмов восприятия информации и воздействия на массовое сознание и поведение.

Список используемых источников информации

1. Davis R. Typing Politics: the Role of Blogs in American Politics. Oxford, New York, Oxford University Press, 2009, 241 p.
2. Lowery S., DeFleur M. Milestones in Mass Communication Research. Media Effects. 3 ed. N. Y.: Longman, 1995, 415 p.
3. Броуди Р. Психические вирусы. М.: Поколение, 2007. 304 с.
4. Володенков С.В. Современная коммуникация как основа эффективной политической кампании // Вестник МГУ. Политические науки. 2010. № 1 (12). С. 14-28.
5. Докинз Р. Эгоистичный ген. / Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2013, 318 с.
6. Евгеньева Т.В. Политическая социология. М.: РОССПЭН, 2013. 520 с.
7. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации. М.: Издательство Московского университета, 2013. 299 с.
8. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 448 с.
9. Шестопап Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008. 287 с.
10. Шестопап Е.Б. Путин 3.0.: общество и власть в новейшей истории России. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 420 с.
11. Шестопап Е.Б. Психология политического восприятия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 423 с.

¹Кулинченко А.В., ²Кулинченко Д.А.

Свобода как родовая сущность человека и трудности её обретения и реализации в общественно-политической жизни

¹Финансовый университет при Правительстве РФ

²РАНХиГС при Президенте РФ

(Россия, Москва)

doi:10.18411/spc-01-02-2017-04

idsp: 000001:spc-01-02-2017-04

Вопросы о смысле жизни рано или поздно встают перед большинством людей, и они имеют прямое отношение к вопросу о свободе. Свобода нужна не песчинке, затерянной в необъятных просторах Вселенной, а человеку, который в своей жизни к чему-то стремится, имеет собственную высокую цель и потому нуждается в свободе.

Ключевую мысль, которая обосновывает существование свободного, мыслящего человека в необъятном мире, ярко выразил И.Кант в одном из своих наиболее известных утверждений. Он писал: две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. Человек и мир оказываются не просто связаны друг с другом, но в определенном смысле сопоставимы, ведь человек сопричастен великим тайнам мира и сам представляет собой значительный, сложный, многообразный мир. Как писал Кант, такой взгляд бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в

которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира.

К подобному пониманию сущности человека трудно прийти, вглядываясь в окружающих нас людей, ведь каждый из нас несовершенен. Не говоря о преступниках и морально деградировавших личностях, людям свойственны слабости, пороки, низменные пристрастия. К необходимости удовлетворять естественные потребности (иногда чрезмерно) добавились жажда наживы, властолюбие и еще целый набор отрицательных качеств, которым мы обязаны жизнью в обществе – начиная от проповеди материального обогащения, излишне назойливой рекламы товаров и заканчивая призывами некоторых политических деятелей, которые обращаются к худшим, а не лучшим качествам людей. Но, с другой стороны, история дает нам примеры проявления высших человеческих качеств – любви к ближним, к Отечеству, примеры самопожертвования, выдающихся достижений в творчестве, науке, искусстве. И речь идет не только об особых людях, великих представителях человечества, которым даже в тяжелых и несправедливых общественных условиях удавалось сохранять верность моральным принципам, создавать высшие ценности культуры. Высшего проявления человеческих качеств можно ожидать от любого человека, каждый ими обладает, поскольку он принадлежит к человеческому роду. Их проявляют те, кто в мирное время защищает страну от терроризма и организованной преступности; кто помогает спасти другие народы от геноцида, кто бескорыстно помогает ближним.

Такой подход позволяет иначе посмотреть на давно знакомых людей и обнаружить, что наряду с недостатками некоторые из них имеют выдающиеся способности, обладают непоколебимой честностью и верностью принципам. Правда, есть и такие, которые далеки от стремления к лучшему и высшему. И это свидетельствует о том, что говорить о наличии у человека высших качеств, вырывающих его из предопределенности чувственно воспринимаемого мира, следует применительно не к отдельным индивидам, а к человечеству, ко всем ныне живущим и ушедшим поколениям, к человеческому роду. В отдельных людях эти родовые качества, родовая сущность человека, могут проявиться неполно или не проявиться совсем, и это в значительной степени зависит от воли самого человека.

Важно, что никто не отрицает наличия этих особых, сущностных качеств, хотя многие расходятся в их характеристике и источнике происхождения. Религиозные мыслители видят в них искру божью в душе человека, которая дает ему возможность совершить восхождение к Богу. Атеистические философы считают их неотъемлемым атрибутом самого человека. Например, Ж.-П.Сартр считал, что человек создает, «проектирует» себя сам, часто вопреки обстоятельствам своей жизни, и именно тогда он свободен. Сартр считал, что история сама по себе не может ни принудить человека, ни вовлечь его в грязное дело. Это не означает, что человек абсолютно свободен, напротив, он всегда находится в определенной жизненной ситуации, часто неблагоприятной для него. Но сущность человека проявляется именно в том, что он способен изменять свои жизненные обстоятельства, сопротивляться их давлению, преодолевать существующие ограничения. Следовательно, человек внутренне свободен, судьба его не предопределена.

Однако существует трагизм человеческой свободы, заключающийся в том, что он должен реализовать свою свободу, но никогда не может достичь ее полностью. Реализация собственной свободы – это бесконечная задача, а человек не совершенен и не бессмертен. По выражению М.К.Мамардашвили, человек «распят» между двумя мирами: человек есть напряженное держание в себе двух миров, усилие удержать, будучи природным существом, нечто неприродное и сверхприродное. Поэтому человек – это задача, это стремление быть человеком.

В решении этой задачи человек опирается на свои сущностные качества: сознание, мышление и речь, нравственность и культуру, деятельность, общение и труд, их материальные и духовные результаты. Обобщающей характеристикой родовой сущности человека является его способность к творчеству – изменению окружающего мира и самого себя. Человек – это свободное творческое существо, а свобода – его самостоятельная творческая деятельность. Но действовать отдельному человеку в соответствии со своей родовой сущностью чрезвычайно сложно. Деятельность по достижению самостоятельно избранной цели может привести к несвободе и саморазрушению. На этом пути необходим компас, дающий верное направление.

Таким компасом, по мнению И.А.Ильина, служит вера. Вера – это некий целостный жизненный опыт, некое мирозерцание и система действий. Она вовлекает в свой процесс и волю, и мысль, и слово, и дело – все сразу, всего человека целиком; ибо вера исходит из последней глубины человеческого существа и становится деятельной, творческой верой: укорененной, искренней, цельной и победной. Но чтобы стать таковой, человек в своей вере должен быть свободен внешне (от насильственного вмешательства) и внутренне, т.е. духовно свободен. Свобода, по И.А.Ильину, есть именно свобода духа человека. «Дух есть сила самоопределения к лучшему», он имеет силу и власть «создавать формы и законы своего бытия, творить себя и способы своей жизни», ему доступно «самоопределение ко благу».

Свобода как родовая сущность человека состоит не в человеческом произволе, не в своеволии, а в сознательном выборе такого пути, волевого и целенаправленного осуществления такой деятельности, которая, говоря словами Аристотеля, сообразна с добродетелью и ведет к высшему благу.

Но когда речь заходит об общем и высшем благе, всегда появляется почва для разногласий, споров и конфликтов. Дискуссии, различие во мнениях можно было бы считать безусловным благом, приближающим людей к пониманию, обретению и реализации своей свободы. Но нередко спорами дело не ограничивается, за ними следуют конфликты и противоборство, нередко уничтожающие самые слабые надежды на обретение свободы. Особенно, если кто-либо провозглашает себя единственным обладателем истинного знания и стремится любыми путями – от манипуляций общественным сознанием, до прямого насилия – воплотить свой взгляд на «правильно организованную» общественно-политическую жизнь.

Однако модернизация страны, развитие инновационной экономики, демократической политической системы невозможно в XXI веке без опоры на главный ресурс общественного прогресса – свободное творческое развитие каждого члена общества. Невозможно создать динамично развивающееся свободное общество без свободного развития каждого его члена. В этом состоит один из важнейших уроков тоталитарных режимов, которые попирали индивидуальную свободу во имя торжества тех или иных идей, принципов, но не сумели воплотить их в жизнь. Отрицание свободы, в конечном счете, привело тоталитаризм к поражению.

Однако демократический режим отнюдь не гарантирует отсутствие противоречий и конфликтов, истоки которых коренятся в попытках ограничить права и свободы людей, подменить свободное и ответственное принятие взаимных обязательств агрессивным навязыванием своей воли.

Примеров подобного развития событий немало. Неприятно памятным остался конфликт между журналистами газеты «Московский комсомолец» (МК) и депутатами Государственной Думы. Депутаты посчитали оскорбительной для своих коллег статью под названием «Политическая проституция сменила пол» (от 16 марта 2013 г.) и потребовали от газеты извинений. Государственная Дума приняла заявление «О недопустимости злоупотребления средствами массовой информации правом на свободу слова». Журналисты и главный редактор газеты Павел Гусев считали, что, напротив, извиняться за резкость следует депутату Андрею Исаеву, а само заявление

переименовали в заявление «О недопустимости права газеты «Московский комсомолец» на свободу слова». Каждая из сторон считала себя защитником свободы слова. Остается надеяться, что вновь избранные депутаты Государственной Думы и журналисты оставят в прошлом подобные манипуляции со столь важным правом и ценностью, как свобода слова, способные разжечь самые низменные чувства у своих избирателей и читателей.

Почти одновременно в 2013 г. во Франции проходили многотысячные митинги протеста против законопроекта, который легализует в стране однополые браки и позволяет таким семьям усыновлять детей. Люди полагали, что семья — это «отец, мать и дети», и не хотели, чтобы эти слова исчезли из официальных документов граждан. Многие видели в этом покушение на фундаментальные основы жизни общества. Но всем было хорошо известно, что исход голосования был predetermined заранее, так как инициаторы законопроекта – социалисты – обладали внушительным парламентским большинством. Ведомые своей идеологией, они также отстаивали права и свободы так, как они их понимают.

Как известно, законопроект, против которого выступали до 80-ти процентов населения, был одобрен обеими палатами парламента Франции (и Национальным Собранием, и Сенатом).

В результате права и свободы одних были противопоставлены правам и свободам других. Вместо торжества свободы возник острый общественно-политический конфликт.

Сегодня и во Франции, и во всей Европе конфликты другого рода, в частности, связанные с неограниченной миграцией населений из Азии и Африки. Но извлечены ли уроки из прошлых ошибок? Нисколько. Свою монополию на истину стремились утвердить и А.Меркель в Германии, и Ф.Олланд во Франции. В результате ведомые ими партии терпят сокрушительные поражения на различных выборах, а их бывшие когда-то высокие рейтинги тают на глазах. Вместо проведения политики во благо своего народа во многом искусственно множатся конфликты и гражданское противостояние.

Истоки такого развития событий были бы понятны – это древняя как мир борьба интересов, – если бы не разговоры «о правах и свободах», о ценностях и нормах демократии. И это превращение свободы в источник постоянных конфликтов, подчас угрожающих жизни общества, иногда запрограммировано в самом понимании роли политических идеологий и идеологического плюрализма. Идеологии трактуют как устойчивые системы концептуальных связей, системы интерпретации совокупности политических концепций. Более того, по мнению американского политического философа В.Гэлли, это сущностно конкурирующие концепции: они сложно устроены, объединяют различные идеи; у каждой есть свои сторонники, поддерживающие ту или иную идею; и есть противники; противоположные стороны стремятся доказать свою правоту; и главное – не понятно, что является самым главным, поэтому споры бесконечны.

Объясняя природу спора о политических концепциях, В.Гэлли уподобил его спортивному чемпионату, обладающему необычными чертами:

- во-первых, каждая команда обладает определенным стилем игры;
- во-вторых, чемпион получает награду не в силу наличия определенных установленных правил, а на основании стиля и уровня игры; при этом все согласны, что чемпионом станет команда «играющая лучше всех»;
- в-третьих, чемпион не сохраняет свой титул на протяжении какого-то зафиксированного периода: игры продолжаются постоянно; провозглашенный чемпионом сегодня, завтра может быть свергнут со своего пьедестала;

- в-четвертых, нет официальных судей; у каждой стороны есть свои верные болельщики, которые провозглашают свою команду в качестве «самой лучшей»;
- наконец, в-пятых, болельщики каждой из команд провозглашают её «подлинным» или «истинным» чемпионом; даже если их команда проиграла, они будут настаивать, что она показала лучший стиль игры, что гораздо важнее.

С этой точки зрения, идеологические споры неотделимы от человеческих убеждений, пристрастий, предвзятостей. Споры о высоком могут скрывать низкие мотивы. Борьба за свободу может обернуться притязанием на личную или групповую вседозволенность. Тогда торжествует негативное понимание свободы (свободы от внешних ограничений) в ее самом неприглядном и разрушительном виде. Гегель называл такую свободу «свободой пустоты», которая есть бегство от всякого содержания как ограничения: Лишь разрушая что-либо, – писал Гегель, – эта отрицательная воля чувствует себя существующей; она полагает, правда, что стремится к какому-либо позитивному состоянию, например, к всеобщему равенству, но на самом деле она не хочет позитивной действительности этого состояния, ибо такая действительность тотчас же установит какой-либо порядок, какое-либо обособление как учреждений, так и индивидов, а между тем именно из уничтожения этого обособления и объективной определенности возникает самосознание этой отрицательной свободы. Обращаясь к действительности, свобода пустоты, как в области политики, так и религии, становится фанатизмом разрушения всего существующего общественного порядка и организации.

Однако свобода, как было показано выше, заключается не в человеческом произволе, а в сознательном и ответственном выборе своего пути для реализации творческой, созидательной деятельности, присущей человеческому роду. Тогда пресловутая «борьба за свободу» перестанет быть ширмой, скрывающей борьбу эгоистических интересов, а политическая жизнь демократического общества избавится от бесконечной свары частных мнений и стремлений.

В заключение уместно обратиться к тексту Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Статья 1 Декларации начинается словами: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах...». Далее в Декларации провозглашается: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений...» (Ст. 19).

Это очень важные права. И на их осуществлении справедливо настаивают многие люди в нашей стране и за рубежом. Однако при этом важно не забывать о других фундаментальных положениях, способствующих наиболее полной реализации прав и свобод человека, которые провозглашаются в Декларации. В статье 29 пункт 1 говорится: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности». Люди «наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (Ст. 1).

Как часто бывает, проблема выявлена и сформулирована, выработаны конкретные механизмы и нормы для её разрешения. Казалось бы, дело за малым – конкретными действиями людей. И здесь свобода выбора играет злую шутку над родом человеческим – низменные страсти отлучают отдельных людей и целые социальные сообщества от уже обретенных истин, и присущая человечеству способность быть свободным вырождается в самые крайние проявления несвободы.

Обретение и реализация подлинной свободы требует усилий воли каждого во взаимном принятии, понимании друг друга и взаимоуважительном сотрудничестве. И решение этой задачи, к сожалению, невозможно перепоручить никаким организационным структурам или специальным общественным и политическим

институтам. Там, где речь идет о свободе, всегда предполагается наличие личности и личностный вклад. Поэтому борьбу за свободу ведут люди, а созданные ими организации и институты – только в той мере, в какой они сумели объединить людей, не разрушая личностного начала в человеке.

Список используемых источников информации

1. Аристотель. Политика. // Соч. в 4 т. Т. 4. – М., 1982.
2. Алексеева Т.А. Политическая философия: От концепций к теориям. – М., 2007.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: 1990.
4. Ильин И.А. О сущности правосознания. – Собрание сочинений: В 10т. Т.4. – М.: Русская книга, 1994.
5. Ильин И.А. Пути России / Иван Ильин; сост. А.Д.Путинцев. – М.: Вагриус, 2007. С. 68.
6. Кант И. Критика практического разума. – СПб.: Изд-во «Наука», 1995.
7. Мераб Мамардашвили. Опыт физической метафизики. Вильнюсские лекции по социальной философии. Лекция 2. Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. 21.01.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5529/5531> (дата обращения: 27.01.2017).
8. Поздняков Э.А. Философия политики. – М., 2011.

Роговский Е.А

Выборы в США: инновации и информационная безопасность

*Центр Института США и Канады, РАН
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-01-02-2017-05

idsp: 000001:spc-01-02-2017-05

Аннотация.

Применение информационных технологий в ходе кампании по выборам президента США в 2016 г. носило особенный характер. Круг соответствующих приложений вышел далеко за рамки традиционных направлений, типичных для кампании 2008 г. Обе стороны для реализации целей своей предвыборной стратегии заручились поддержкой мощных ИКТ-корпораций (Х.Клинтон – «Google», Д. Трамп - «Facebook») и применяли уникальные технологии («Google» - технологию манипуляции с помощью поискового механизма - SEME»; «Facebook» - технологию выявления подсознательных политических предпочтений на уровне конкретных избирателей - пользователей своей социальной сети). Проведенное исследование позволяет объяснить эффективную победу Д.Трампа, одновременно вскрывая качественно новые проблемы информационной безопасности.

Ещё совсем недавно в США все придерживались «мантры» - «Интернет ограничивать не надо!». Инноваторы Силиконовой Долины разрабатывали платформы социальных сетей, особенно не задумываясь о том, как именно люди могут использовать создаваемые ими технологические возможности. Они ориентировались на формирование онлайн-сообществ, все участники которых могли бы комфортно общаться и торговать. Они имели в виду бесконфликтное, так сказать сугубо «прогрессивное» социальное развитие цифрового американского общества и полагали, что их разработки далеко опережают возможности террористов.

Но за десятилетия, прошедшие после своего создания, Интернет не просто вырос - он стал конфликтным. Теперь в киберпространстве одновременно происходит жесткая экономическая конкуренция и идеологическая борьба, противодействие зарубежным киберагрессорам, борьба с терроризмом, кражами интеллектуальной собственности и персональных данных. Все это разительно отличается от прежнего режима применения компьютерных сетей исключительно в научном сообществе.

1. Сегодня в Америке и политики и военные осознали существование целой палитры возможных способов использования Интернета против интересов США.

Многочисленные публикации представителей спецслужб, военных и политиков свидетельствуют, что в США уже давно знают о возможностях ИГИЛ, Аль-Кайды и других террористических групп применить в своих интересах широко доступные сетевые технологии. Об использовании онлайн-социальных сетей в террористических целях см. например, TIMOTHY L. THOMAS. Al Qaeda and the Internet: The Danger of "Cyberplanning". "Parameters", Spring 2003 pp.112-123; а также: Gabriel Weimann. How Modern Terrorism Uses the Internet. SPECIAL REPORT 116, March 2004.

В частности, в публикациях подчёркивается, что террористы могут использовать социальные сети для рекрута новых членов своих организаций, планирования террористических актов и политических провокаций, для сбора информации, для распространения слухов и ложных сведений, для того, чтобы посеять панику, ввести кого-нибудь в заблуждение, для осуществления нападок на отдельных лиц, на группы людей или компаний.

Когда же уровень доступных террористам технологий (например, шифрования контента) превысил уровень противодействия со стороны ФБР (например, по его дешифрованию), Президент Обама обратился непосредственно к инноваторам Силиконовой Долины с настоятельной просьбой - сделать что-нибудь для того, чтобы *предотвратить использование террористами онлайн-социальных сетей для радикализации общества и мобилизации рекрутов*, иначе говоря, *использовать против интересов США те «технологические возможности, которые предоставило нам современное цивилизованное общество»*. В своём обращении к нации (после теракта, произошедшего в Сан-Бернадино), Президент США настоятельно побуждал лидеров высокотехнологичных компаний затруднить террористам использование высоких технологий «для ухода от правосудия». (Кстати, вопрос о такого рода сотрудничестве с федералами для очень многих корпораций Силиконовой Долины оказался весьма болезненным.)

2. Интернет стал конфликтным, а информационная безопасность стала неотъемлемой составной частью стратегии Национальной Безопасности.

Осознал Президент и необходимость по мере развития Интернета совершенствовать систему информационной безопасности. В одном из выступлений он отметил: - "If we're going to be connected, then we need to be protected." («Если мы намерены быть взаимосвязанными, нам нужно быть защищёнными»).

В начале 2015 г. Обама объявил, что в сфере кибербезопасности его администрация установила пять приоритетных задач: **I. Защитить от кибератак критически важные объекты инфраструктуры страны – наиболее важные информационные системы; II. Совершенствовать механизм выявления и реагирования на кибератаки; III. Привлекать возможности, имеющиеся на международном уровне; IV. Обеспечить безопасность федеральных сетей; V. Формировать условия для будущего развития киберпространства.**

Президент США подчёркивал: «Из-за угроз в киберпространстве наша критическая инфраструктура продолжает находиться в состоянии риска, а наша экономика терпит урон от воровства нашей интеллектуальной собственности. Но хотя угрозы серьёзные и они постоянно развиваются, я верю, что если мы будем работать с ними эффективно, мы сможем гарантировать, что Интернет останется мотором роста экономики и платформой для свободного обмена идеями. Наш долг

состоит в обеспечении безопасности киберпространства, поддержании Интернета в открытом, взаимодействующем, безопасном и надежном состоянии».

Как показали прошедшие выборы, многомиллионное американское общество стало сильно поляризованным и конфликтным. В таком обществе, где применение весьма жестких методов политической конкуренции считает допустимым, о «мирном сосуществовании» и сотрудничестве в Интернете говорить не приходится.

Специфика острой политической борьбы заставляет относиться к противнику как к врагу, и соответственно, применять против него все доступные средства. Отсюда рождается спрос на весьма изощрённые (если не иезуитские) сценарии дискредитации того или иного кандидата. Фактически, с помощью онлайн-новых социальных сетей был создан удобный и эффективный способ пропаганды ненависти, инспирирования насилия и раздувания конфликтов, который сегодня интенсивно используется и террористами, и политиками в целях дестабилизации общества. Журналисты не раз обращали внимание на то, что **доступность новых информационных технологий для широких масс населения обнаружила в американском обществе явно дестабилизирующую зависимость - чем больше поляризованы интересы общества, тем шире новые технологии используются в нем для «усугубления» ситуации.**

Ещё в 2010 году Федеральной комиссией по связи США был утвержден так называемый «Принцип сетевого нейтралитета». (Network Neutrality), запрещающий провайдерам отдавать предпочтение одним видам сетевого трафика в ущерб другим, а также блокировать или дискриминировать (например, затрудняя доступ) одни сайты с легальным контентом по отношению к другим. Этот принцип, в ходе предвыборной кампании систематически нарушали крупнейшие Интернет-гиганты, такие как «Google», «Facebook» и др. Стоит также обратить внимание на то, что практически сразу после президентских выборов обе эти, крупнейшие в мире интернет-корпорации столкнулись с растущей критикой, связанной с наличием на их сайтах поддельной (лживой) информации, которая могла повлиять на результаты выборов. Поддельные новости уже стали в США реальной политической проблемой.

Все это было хорошо известно в командах обоих кандидатов, участвовавших в выборах президента США.

3. Некоторые проблемы Информационной Безопасности, актуальные на прошедших президентских выборах в США.

Несмотря на неоднократные авторитетные предупреждения, наиболее громким из которых можно считать вышедший в 2015 году широко известный бестселлер Марка Гудмана «Будущие преступления» (Marc Goodman «Future Crimes». DOUBLEDAY. New York. 2015), **состояние избирательной системы США накануне президентских выборов 2016 г. с организационно-технической точки зрения оставалось весьма уязвимым.**

Здесь важно учитывать, что электоральная система США находится в компетенции властей отдельных штатов. Она никогда не относилась к критически важным объектам стратегической инфраструктуры, а потому усилия федералов по киберзащите таких объектов избирательный механизм затрагивали только косвенно.

Департамент внутренней безопасности (DHS), взаимодействуя с Национальной ассоциацией государственных секретарей штатов (NASS), требовало от властей штатов и местных избирательных комиссий бдительности, предлагало им свою помощь и ресурсы в решении проблем кибербезопасности. А именно – «кибергигиену», то есть регулярное сканирование выходящих в Интернет систем, оценка рисков и уязвимостей, распространение информации о киберинцидентах и передовом опыте обеспечения

безопасности баз данных, содержащих зарегистрированных избирателей и появлении новых угроз. DHS убедило экспертов Рабочей группы по кибербезопасности электоральной инфраструктуры повысить уровень контроля за соответствующими рискам кибербезопасности, способными повлиять на процесс голосования. По оценкам Разведывательного сообщества США (USIC) и DHS, ни какое-либо государство, ни отдельный хакер, модифицировать с помощью кибератаки результаты голосования не смогут – это было бы чрезвычайно сложно (*extremely difficult*).

Тем не менее, в своём совместном заявлении о безопасности выборов DNI и DHS высказали убежденность в том, что электоральная система США уязвима. В этой системе можно выделить 4 сферы применения современных информационно-коммуникационных технологий (прежде всего интернета):

- 1) *Использование онлайн-социальных сетей для сбора средств и агитационного воздействия на избирателей.*
- 2) *Онлайн-методы регистрации избирателей.*
- 3) *Онлайн-процедуры голосования*
- 4) *Подсчёт поданных голосов.*

Соответственно, в качестве сфер обеспечения информационной безопасностью можно обозначить: контроль физического и программного состояния компьютеров, используемых на избирательных участках для голосования и подсчёта голосов; обеспечение сохранности списков избирателей, проблемы информационной безопасности систем частичного онлайн-голосования, (в том числе пресечение попыток незаконного голосования по Интернету), а также сложнейшие проблемы, связанные с обеспечением анонимности при возможном пересчёте голосов, и иные вопросы, многие из которых остались не решёнными.

Многие из таких проблем были рассмотрены в статье Н.М.Травкиной и Е.А.Роговского «Цифровая демократия» и президентская кампания – 2016».

В США до сих пор продолжаются дискуссии о том, имели ли «русские» возможность повлиять на результаты президентских выборов?

4. Об особенностях применения информационных технологий командами Х.Клинтон и Д.Трампа.

Современная Америка, судя по всему, отказаться от некоторых демократических принципов проведения выборов. Эта мысль близка известному канадскому журналисту и политику Д. Агню (David Agnew), который считает, что: «Во многих странах демократия показывает признаки того, что она находится на грани износа. Мы видим не только низкий уровень участия населения в выборах, но также и низкую приверженность к политическим процессам и низкое доверие к правительству. Умные правительства смотрят на Интернет не как на угрозу (демократии), а как на потенциально позитивный инструмент вовлечения граждан в работу по управлению обществом». Старая Джефферсоновская демократия была на практике демократией не народа, а элиты и, соответственно, не для народа, а для элиты («democracy by and for an elite»).

Судя по всему, цифровая демократия станет такой же, элитарной, предоставляющей политическим активистам более удобные способы деятельности. В сложившемся в настоящее время в США напряжённом политическом противостоянии попытка увеличения «количества демократии в американском обществе» за счёт увеличения количества голосующих с помощью перехода к системе электронного голосования, может привести к обратному результату, т.е. к сокращению «количества демократии», обусловленному существенным искажением воли избирателей, принявших участие в голосовании.

4.1. На команду Х.Клинтон работала корпорация «Google» и Центр новой американской безопасности (CNAS)

Демократы использовали сетевые технологии прежде всего для сбора денег и тенденциозной онлайн-агитации.

Корпорация «Google» когда-то относилась к политическому лоббированию весьма пренебрежительно. Однако под эгидой Б.Обамы эта корпорация приобрела опыт мобилизации миллионов своих пользователей на политическую борьбу (как это было сделано в ходе противодействия закону «О безопасной онлайн-конфиденциальности» («Secure Online Privacy Act» - SOPA)) и постепенно превратилась в опытного мастера вашингтонского лоббирования. Его сотрудники активно участвовали в работе таких элитных либеральных экспертных структур как «Cato Institute», «Competitive Enterprise Institute» и «New America Foundation». Бывший генеральный директор «Google» Э. Шмидт (Eric Schmitd) – стал председателем совета директоров NAF, и участвовал в разработке технологической системы президентской кампании Х. Клинтон.

Одной из важнейших особенностей предвыборной кампании Х.Клинтон можно считать продолжение одностороннего (исключительно лидерского) отношения Обамы к своему присутствию в социальных сетях. Судя по всему, после исключения Сандерса из предвыборной гонки, демократы, используя контекстную рекламу и другие возможности платформы Google, слишком «давили» на рядовых пользователей, забывая о непосредственной обратной связи с избирателями.

Другая особенность платформы «Google», тоже широко использованная командой Х. Клинтон, - явная тенденциозность (необъективность, недопустимая в предвыборный период политическая ангажированность) её глобально доминирующей поисковой системы. Эта особенность требует пояснения.

Справка. Что такое «эффект манипуляции» - SEME?

Два американских учёных - Р. Эпштейн (Robert Epstein) и Р. Робертсон (Ronald E. Robertson), работая в Институте поведенческих исследований и технологий (American Institute for Behavioral Research and Technology), придумали метод, позволяющий выявить в механизме Web-поиска наличие так называемого «эффекта манипуляции» (“search engine manipulation effect” - SEME). Речь идёт о методе выявления случаев намеренного смещения результатов поиска вверх (к началу списка), иначе говоря, о выявлении случаев неправомерного завышения оценки соответствия между вопросом пользователя и представленных ему результатов поиска.

Проверка с помощью этого метода различных онлайн-поисковых механизмов (в том числе «Google») позволила исследователям сделать выводы, существенные с точки зрения избирательного процесса:

1. Пристрастное ранжирование результатов поиска в Интернете может существенно сместить предпочтения в среднем до 20% неопределившихся избирателей.
2. В некоторых демографических группах такое смещение может быть намного больше.
3. Пристрастное ранжирование может быть замаскировано так, чтобы избиратели не осознавали наличие какой-либо манипуляции.

В последствии выяснилось, что такое пристрастное ранжирование результатов Интернет-поиска может предоставить корпорации «Google» на президентских выборах в США, чуть ли не право «решающего голоса». В самом деле, половина президентских выборов в США завершалась с разницей не более, чем 7,6% голосов. Это выглядит как здоровая конкуренция, однако в эпоху Интернета близость количества набранных кандидатами голосов представляется опасно уязвимой. Такая ситуация означает, что

манипуляции с голосами «неопределившихся избирателей» могут легко склонить чашу весов в пользу интересов манипулятора. (По мнению авторов этой работы, даже если только 60% населения того или иного штата имеет доступ к Интернету и только 10% избирателей окажутся «неопределившимися», - этого может быть достаточно для достижения контролируемого результата выборов с победной маржой до достигающей 1,2%).

По мере того, как всё больше людей присоединяются к онлайн-социальным сетям, влияние SEME (эффекта тенденциозного ранжирования) на предпочтения избирателей будет расти, потенциально его вклад может далеко превзойти влияние традиционных медиа ресурсов. Пропорционально будет возрастать авторитет людей, контролируемых поисковые системы в социальных сетях. И поскольку абсолютное большинство людей результатам онлайн-поиска слепо доверяют, противодействовать этому практически невозможно. Такие люди искренне верят в то, что именно «Google» будет решать, кто будет американским президентом.

Таким образом, с точки зрения соблюдения демократических принципов избирательного процесса, неконтролируемый обществом онлайн-поисковый механизм в предвыборный период может представлять весьма существенную угрозу; угрозу, которую, безусловно, следует отнести к сфере информационной безопасности.

Угрозы национальной безопасности США для Х.Клинтон подготовил Центр CNAS; они содержатся в докладе его руководителя М. Флурнуа «9 уроков по навигации национальной безопасности» (2016).

Вызовы:

- 1) увеличивающаяся угроза терроризма против интересов США, а также против отдельных лиц, территории и союзников; данная угроза исходит от экстремистских групп исламистов, таких как Исламское государство;
- 2) «возрождение оскорбленной и более агрессивной России при Владимире Путине, который продемонстрировал свое желание использовать российские войска, асимметричную тактику и энергетические ресурсы для того, чтобы утвердить свое влияние на пространстве от Украины до Сирии»;
- 3) Укрепление Китая, который стремится стать доминирующей азиатской державой, менять статус-кво и нарушать международный порядок, основанный на международно-правовых принципах;
- 4) Ближневосточный кризис: «четыре незатихающие гражданские войны» (в Сирии, Ливии, Йемене и Ираке) порождают самый острый «гуманитарный кризис» со времени окончания Второй мировой войны;
- 5) Ускоренное глобальное распространение опасных технологий в руках как государственных, так и негосударственных структур (оружие массового уничтожения, современные виды высокоточного оружия, кибер-вооружения, беспилотники).

Для того, чтобы справиться с перечисленными вызовами, Америке нужно новое глобальное лидерство, восстановление доверие к действиям США. Следующий президент должен «четко высказаться» по вопросу о лидерстве США в современном мире и предпринять конкретные шаги для того, чтобы продемонстрировать это намерение Соединенных Штатов, а также умение отстаивать свою политическую линию и защищать свои интересы, ценности и своих союзников во всем мире.

Следующий верховный главнокомандующий ВС США (Президент) должен разрешить проблему растущей финансовой неопределенности федеральной власти,

обеспечить выделение необходимых государственных средств для развития оборонных, дипломатических и прочих инициатив, направленных на продвижение и защиту американских интересов в современной обстановке увеличивающегося глобального соперничества. Неспособность Конгресса ассигновать необходимые средства создает реальную угрозу для Соединенных Штатов. И наоборот, выделение средств в рамках федерального бюджета – это один из приоритетов национальной безопасности.

С практической точки зрения в предвыборной кампании демократов в качестве рабочей стратегии последовательно использовался «китайский» политический принцип – «превратить плохое дело в хорошее». Так, осознавая уязвимость американского киберпространства на уровне государственных и партийных организаций, демократический кандидат в президенты Х.Клинтон (поддержанная спецслужбами!) трактовала её в качестве результата чужого злого умысла. В таком свете на президентских выборах 2016 г. Америка выглядела как жертва систематического внешнего воздействия, угрожающего национальной безопасности.

Администрация Б.Обамы поставила задачу предотвращения использования глобальной информационной инфраструктуры против интересов США, но решить её не смогла. Теперь уже не только ВИКИЛИКС и китайцы, но и коммерческие акторы стали всерьёз угрожать Америке. Информационная небезопасность США перед выборами приобрела во истину геополитические масштабы.

В сентябре 2016 американская «демократическая элита» наконец осознала, что современная Америка не может гарантировать проведение президентских выборов, осознала всю серьёзность угрозы их дискредитации. Тут политически нейтрального Ассанжа или бывшего разведчика Сноудена мало. Тут террористы ИГИЛ или даже весь Китай не подходят. Страх дискредитации выборов требовал самого крупного врага. А кто в настоящее время самый крупный и влиятельный человек на планете? По версии журнала Форбс – В.В.Путин!

Судя по всему, последней каплей, спровоцировавшей публикацию в 07 октября 2016 г. совместного заявления Министерства внутренней безопасности США и Нацразведки, стало нестерпимое желание дискредитировать будущие разоблачения ВИКИЛИКС и прочих "независимых" источников, «запятнав их связями с Москвой».

А 08 октября появилось сообщение о том, что у АНБ украли важный шпионский код; это означало, что теперь против США может быть применено их собственное кибероружие, ранее доступное очень немногим. Руководство охватило страх перед лицом вышедшего из повиновения американского кибероружия. Это похоже на неизбывный страх человека, живущего в стеклянном доме, страх фокусника, у которого перед выступлением украли его ящик с зайцами, лентами и иными причиндалами. (Министр иностранных дел России С.В.Лавров назвал это сообщение «истерикой»)

Такая ситуация казалась невыносимой – кого-то срочно надо было уличить в готовности нанести хакерские атаки, способные дискредитировать выборы американского президента. Виновники были назначены. Президент Обама выключил свой «ядерный кибер-телефон» и начал «изображать жертву», демонстрируя уверенность в том, что именно российское государство стоит за кибератаками на сервер Демократической партии США. Эта идея стала стратегической «фишкой» всей предвыборной кампании Х.Клинтон.

По понятным причинам, Х.Клинтон не призывала к большей ответственности руководителей Госдепа и национального комитета демпартии, но представляла дело так, что именно внешняя угроза их конфиденциальности подрывает демократию в США.

4.2. На Трампа работала корпорация «Facebook» и Центр и Центр долгосрочной кибербезопасности (CLTS), которые придерживались принципиально иной стратегии организации предвыборной кампании. Можно сказать, что здесь доминировал сугубо коммерческий бизнес подход.

Команда Трампа исходила того, что в современном американском информационном обществе, конечная результативность расходов как на телевизионную, так и на традиционную безадресную интернет-рекламу существенно снизилась (иначе говоря, цена каждого голоса выборщика, завоёванного с помощью такой рекламы, за последние годы резко возросла). А поттоому общую стоимость традиционной предвыборной кампании, обеспечивающей поддержку необходимого количества голосов выборщиков, Трамп посчитал чрезмерно высокой. Соответственно, следуя своему имиджу успешного бизнесмена, Трамп поставил своей команде задачу – сформировать нетрадиционную стратегию его предвыборной кампании, такую, чтобы его победу обеспечили не огромные деньги, а новейшие технологические инновации, способные резко снизить цену каждого завоёванного голоса.

Д. Трамп умел обращаться с Твиттером, но он оставался противником всяких гаджетов и связанных с ними новшеств. Такой технологии общения с избирателями для победы было явно недостаточно. После знаменательной ноябрьской (2015 г.) встречи Д. Трампа с избирателями в г. Спрингфилде (шт. Иллинойс) Д. Трамп и Дж. Кушнер, муж его дочери Иванки - его зять, пришли к заключению, что их предвыборная кампания явно недооценивает возможности социальных медиа. И Трамп попросил зятя заняться возможностями корпорации «**Facebook**».

Дж. Кушнер сразу позвонил своему знакомому в высокотехнологической компании, с которой он раньше работал, и попросил прислать ему руководство по использованию в сети «Facebook» так называемых, методов «микротаргетирования» (micro-targeting). В результате бизнес-принципы корпорации «Facebook» были своевременно адаптированы для нужд избирательной кампании Д.Трампа. Так была создана инновационная предвыборная стратегия, обеспечившая победу Д.Трампу.

По правде говоря, влияния сети «Facebook» на избирательный процесс, было тестировано задолго до выборов, ещё в 2015 году. Оно показало, что надпись «голосуй», добавленная на экраны 61 млн. пользователей, в тот же день привела к избирательным урнам дополнительно около 340 тыс. чел.

Некоторые специалисты отмечали, что если бы руководители «Facebook», захотели бы «подтолкнуть» только тех избирателей, кто благоволит конкретному кандидату, они легко могли бы взвинтить результаты выборов в его пользу. Кстати, ещё за два года до президентских выборов газета «Washington Post» обращала внимание своих читателей на то, что Республиканская партия проводит систематическую работу по согласованию списка своих избирателей со списком пользователей «Facebook» в различных штатах страны.

В феврале 2014 года «Facebook» отмечал своё десятилетие. К этому времени он имел более 1 млрд. пользователей и более 200 млрд. посещений, стал хостом для более 400 млрд. фото и в настоящее время регистрирует более 6 млрд. «лайков» в день. За три года, с 2013 по 2016 г., доля пользователей этой социальной сетью, назвавших её главным источником новостей, выросла с 47 до 66%. Без сомнения, «Facebook» охватил всю территорию США и остаётся самым высшим форумом для политических дискуссий. Он изменил способы, которыми избиратели связываются друг с другом, изменил коммуникации с организациями, и даже с находящимися в Вашингтоне конгрессменами, которые ежедневно обновляют свои странички в этой социальной

сети. Фактически за 10 лет своего существования «Facebook» успел превратиться в мощный политический инструмент.

Абсолютное большинство людей, «мигрировавших в цифровое пространство «Facebook» и пользующихся в нём удобными услугами, не хочет замечать своей информационной небезопасности. Эти люди не задумываются о том, что современные технологии «big data», используя сведения об их поведении в сети, могут раскрыть весьма чувствительную персональную информацию, в том числе многие «атрибуты личности» (от сексуальной ориентации до уровня интеллектуального развития, включая политические предпочтения).

Стоит отметить, что из-за отказа корпорации «Facebook» выполнить требования ФБР и раскрыть шифры смартфона, принадлежащего одному из террористов, её отношения с администрацией демократического президента Б.Обамы перед президентскими выборами были довольно натянутыми.

Бизнес-стратегия этой корпорации опирается на созданные ею технологические возможности соответствующей социальной сети, а именно, на возможности настраиваться на конкретную аудиторию своих пользователей, а также выявлять и использовать их персональные данные в своих интересах.

Итак, «Facebook» позволил команде Д.Трампа создать прецедент политического (некоммерческого) «микротаргетирования» американских избирателей, которые в своём подавляющем большинстве «оказались» пользователями этой онлайн-социальной сети.

Справка. Что такое «микротаргетирование»?

«Микротаргетирование» - это механизм точной настройки и использования социальных медиа для работы с целевой аудиторией. Это понятие предполагает «интимное знание» пользователя социальной сетью (избирателя), что отличается от традиционного маркетингового таргетирования коммерческих клиентов. Задача, которая ставится перед микротаргетированием – побуждение избирателя к голосованию за того или иного кандидата, - существенно сложнее задачи, стоящей перед агрессивной коммерческой рекламой. Для того, чтобы предсказать поведение конкретного избирателя на выборах, необходимо составить многогранное целостное представление о его личности. Здесь отдельных сведений о человеке (его доход, пол, раса, другие демографические параметры, марка машины, которую он водит, сорт кофе, который пьёт и проч., и проч.), - недостаточно; все эти сведения характеризуют человека лишь частично и не позволяют составить о нем достаточно точное представление как об избирателе.

Здесь надо уметь подбирать многосложные комплексы факторов, позволяющих надёжно прогнозировать, за кого проголосует тот или иной человек. Здесь надо оперативно использовать мощные компьютерные технологии, позволяющие: 1) хранить в цифровом виде и архивировать гигантские массивы исходных данных, 2) наращивать количество и качество информации, поступающей из широкого спектра источников, 3) интегрировать разнородные массивы данных (информацию о результатах предшествующих голосований, географические данные, погоду и проч.), и 4) создавать аналитические инструменты обнаружения новых значимых структур и отношений, имеющих стратегическую и тактическую ценность (в рамках поставленной задачи).

Таким образом, для противодействия Х. Клинтон Д.Трамп в работе с избирателями активно использовал не столько традиционные СМИ (практически все они были против него), сколько ориентировался на максимально эффективное использование значительно более дешёвых мобильных сообщений (в том числе

«лайков» и «смайликов»), способных появляться перед глазами конкретного избирателя в любом месте, в любое время суток. При этом команда Д.Трампа рассылала свои сообщения с учетом индивидуальных профилей пользователей («message tailoring»), прибегала к манипуляции их эмоциональным состоянием («sentiment manipulation») и даже использовала машинное обучение (элементы искусственного интеллекта).

Так, «Facebook» позволил команде Трампа опробовать на своей платформе новые американские аналитические технологии типа «big data». Ставка на «Facebook» обеспечила всей предвыборной кампании Д.Трампа беспрецедентно высокую эффективность. Онлайн-социальная сеть, обрабатывая огромные массивы информации, успевала практически в реальном масштабе времени улавливать мельчайшие сдвиги в настроении избирателей и выдавать соответствующие рекомендации по ведению предвыборной кампании.

В сочетании с обычной рассылкой сообщений, которую использовал Д.Трамп, взятое Дж.Кушнером на вооружение «микротаргетирование» показало своё явное инновационное превосходство. Если раньше в ходе предвыборной кампании Трампа в день собирали по 8 тыс. долл. от продажи бейсболок и прочих вещей, то через какое-то время удалось собирать уже по 80 тыс. долл. Затем Дж.Кушнер потратил 160 тыс. долл. на продвижение серии видеовыступлений Трампа, в результате удалось получить 74 миллиона просмотров.

Фактически «Facebook» стал ключевым инструментом не только распространения пропагандистских сообщений Трампа, но и привлечения новых потенциальных сторонников. (Здесь стоит особо подчеркнуть, что речь идёт **отнюдь не о российских, а именно об американских инновационных технологиях, которые применялись гражданами США изнутри, с помощью компьютеров, находящихся на территории страны, ЧТО БОЛЕЕ ВСЕГО РАЗДРАЖАЕТ И Х. КЛИНТОН И Б. ОБАМУ !!!**)

5. Ключевые технологические ориентиры стратегии предвыборной кампании Д. Трампа

Геополитика XXI века признала появление нового геостратегического домена, а именно, информационного и киберпространства. Это заставило задуматься о том, что в таком пространстве и у «банановой страны» и у великой державы, могут быть одинаковые пробелы (уязвимости) в системе обеспечения её информационной безопасности (более того, в этом отношении великая держава может оказаться даже более уязвимой!). Настало время задуматься о киберугрозах, не только в рамках сценария того или иного сиюминутного предвыборного спектакля, но в контексте качественно новых угроз, которые могут возникнуть уже в ближайшем будущем.

В этой связи уместно вспомнить о сценариях, изложенных в документе под названием «Будущее кибербезопасности 2020» (Cybersecurity future 2020), который был подготовлен в начале 2016 года в Центре долгосрочной кибербезопасности (Center for Long-Term Cybersecurity - CLTC) Калифорнийского университета в Беркли.

Этот центр был специально создан с целью определения новых направлений исследований в области кибербезопасности на основе долгосрочного прогноза киберугроз, адекватных развитию Интернета и цифровых технологий в целом. Такой прогноз включает ряд новых вопросов глобальной безопасности, возникших на пересечении технологических и социальных аспектов развития ИКТ.

У Дж. Кушнера в Центре CLTC нашлись знакомые, которые помогли ему использовать имеющиеся там разработки в интересах предвыборной кампании. Судя по сообщениям американской прессы, с помощью Центра CLTC, команде Д. Трампа удалось воспользоваться уникальными возможностями сети «Facebook» и очень

эффективно спланировать свою предвыборную стратегию, опираясь на построенную учёными подробную картину политической идентификации пользователей этой сети.

Еще совсем недавно некоторые учёные полагали, что в реальной жизни (в оффлайне) люди слишком прочно связаны рамками различных социальных отношений, которые так или иначе ограничивают их возможности самовыражения, и что именно киберпространство предоставляет человеку анонимность и следовательно, возможность свободного выбора политической идентичности. Увы, теперь это не так! Киберпространство потеряло анонимность и приобрело ту самую прозрачность, которая мешает совпадению «латентной политической самоидентичности индивида» с его декларациями о поддержке тех или иных политических принципов. Теперь, опираясь на косвенные данные о поведении пользователя в онлайн-социальной сети, современные информационные технологии могут достаточно точно охарактеризовать его скрытую («латентную») политическую самоидентичность.

Вопросам роста информационной уязвимости пользователей социальной сети «Facebook» посвящена статья Е.А. Роговского «Нужна ли анонимность в демократическом обществе». В ней в частности, упоминается новая бизнес-стратегия: «свободу самовыражения пользователей не надо ограничивать, ею надо пользоваться, извлекая прибыль из «неразумения и оплошностей», допускаемых всеми обитателями киберпространства». По нашему мнению, именно эта огромная масса различных «оплошностей», тесно связанных с проблемами информационной безопасности пользователей, и стала экономическим ресурсом для нового, современного этапа развития ИТ-бизнеса.

В отличие от демократов, команда Трампа тоже осознавала уязвимость американского киберпространства, но прежде всего на низовом уровне конкретных пользователей; она тоже исходила из того, что с политической точки зрения следует «превратить плохое дело в хорошее» и преуспела в этом. Люди из «Facebook» точно знали, от кого, прежде всего, зависит информационная безопасность их клиентов. Эти люди не призывали к защите конфиденциальности пользователей – их эффективная предвыборная стратегия имела прямо противоположную цель, а именно, воспользоваться дефицитом конфиденциальности пользователей в собственных политических интересах.

Главное, предвыборная стратегия Трампа имела два ключевых технологических ориентира: «big data» + оптимизация расходов.

1) Для привлечения максимального числа избирателей на свою сторону, избирателей надо было говорить им именно то, что они хотели услышать. Такая информация была подготовлена на основе точной политической идентификации пользователей социальной сети «Facebook», которая затем была обработана с помощью и технологий «big data» (в том числе в региональном разрезе).

2) При планировании избирательных митингов надо было, ориентироваться в основном на «правильных» избирателей и представлять им обработанную информацию как можно дешевле.

Соответственно, предвыборную кампанию Д. Трампа можно было бы разбить на следующие пять этапов:

1) Создание технологии выявления подсознательных предпочтений конкретных избирателей (технологии косвенной политической идентификации личности) на основе обработки представительного массива данных о пользователях сети «Facebook». («personal unconscious level – PUL»).

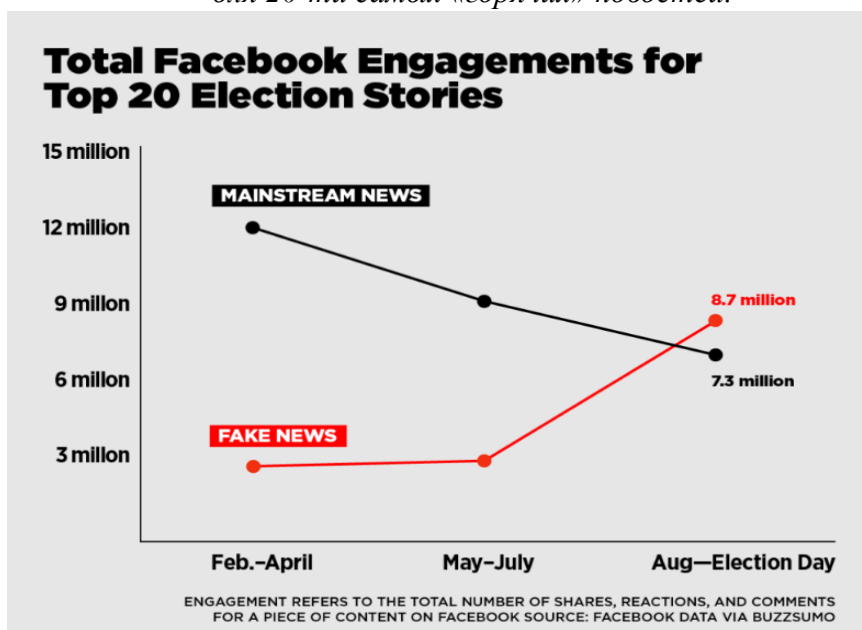
На этом этапе надо было «прокачать через детектор» как можно больше избирателей и зафиксировать их персональную реакцию («лайки») на различные

новости. Особого внимания здесь заслуживает такая важная качественная характеристика предвыборного информационного трафика, как ложь (провокационные вбросы, дезинформация, поддельные новости, троллинг и проч.).

По мере приближения к дате президентских выборов масштабы распространения ложных сведений, обеими конкурирующими сторонами нарастали. Так, демократы были замечены в систематическом распространении дезинформации на очень высоком, так сказать, пропагандистском уровне (например, неоднократные заявления в прессе руководителей спецслужб и кандидата в президенты Х.Клинтон о вмешательстве России в американскую избирательную кампанию). Республиканцы же «работали на нижних этажах», на уровне конкретных избирателей - например, в сети «Facebook» быстро нарастало объём распространяемых поддельных новостей (ко дню голосования, судя по 20-ти самым «горячим» новостям, количество их «считываний» ПРЕВЫСИЛО количество обращений к основному новостному потоку - см. график):

График

Общее количество считываний в сети «Facebook» для 20-ти самых «горячих» новостей.

Источник: https://www.buzzfeed.com/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook?utm_term=.ciG1W7qod#.rjD2pxLgA

2) Создание методики применения технологии косвенной политической идентификации личности для подготовки и проведения предвыборной кампании.

Оценка представительности выборов - согласование списков зарегистрированных избирателей (по избирательным участкам и округам) с перечнем пользователей «Facebook».

Статистическое обоснование надёжного агрегированного показателя, характеризующего средний уровень политического предпочтения для больших контингентов населения («society's unconscious level – SUL»).

3) Расчёт показателей, характеризующих средний уровень политического предпочтения для массы зарегистрированных избирателей (по штатам);

4) Заблаговременное планирование (оптимизация) и проведение предвыборной кампании на основе полученных оценок. в каких штатах может быть достигнут наилучший показатель «прибыли» (т.е. количества голосов в коллегии выборщиков) на инвестированный капитал.

По сообщению Федеральной избирательной комиссии, к середине октября на предвыборную кампанию Трампа было потрачено примерно вдвое меньше средств, чем на кампанию Клинтон.

5) Систематический контроль (верификация) полученных оценок и оперативная корректировка планов проведения предвыборной кампании.

Как мы сегодня знаем, поставленная цель предвыборной стратегии была достигнута – Дональд Трамп на выборах победил. Но какой ценой!?

Фактически, его предвыборная кампания отняла у рядовых американцев право на тайное голосование, нанесла колоссальный ущерб всей системе американской демократии, дискредитировала её. Можно сказать, что против американского народа изнутри было применено самое современное информационное оружие («Facebook»-сканирование и технологии «big data»), подрывающее веру избирателей в совместимость принципов демократии и Интернета. Победу, добытую ценой изменения конституционных основ (изъятие права на тайное голосование), вообще говоря, нельзя признать юридически полноценной. Это «пиррова» победа. Без веры в демократию и олицетворяющую её икону – Интернет, Америка уже очень скоро потеряет себя и станет совершенно иной страной.

Опираясь на такую победу, Трамп вряд ли сможет вернуть Америке былое величие. Однако он может «успеть» стать президентом новой (иной) страны. Именно это, по нашему мнению, можно считать одним из важнейших результатов его победы на президентских выборах 2016 г.

6. Некоторые сценарии будущего развития.

Быстрое развитие технологий заставляет задуматься о новых реальных киберугрозах, которые могут возникнуть уже в ближайшем будущем (и не только в рамках сценария той или иной заранее спланированной провокационной ситуации) и породить в системах информационной безопасности качественно новые опасные уязвимости.

Технологии развиваются очень быстро, во второй декаде XXI века стали появляться «Облака», «Интернет вещей», технологии «big data», новые сенсоры, аналитика, а также экспериментальные проекты «искусственного интеллекта». По оценкам экспертов, привлечённых журналом «Forbes», в настоящее время в мире в этой области работают более 20 млн. специалистов.

В том числе по регионам: в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 7,4 млн., в Европе – 7,2 млн., в Северной Америке – 4,4 млн. и в Латинской Америке – 1,9.

В том числе по направлениям:

- создание приложений для «облачных» технологий занято 5,4 млн. специалистов; уже сегодня «облака» в качестве среды для своих инноваций используют 4 млн. разработчиков;
- создание технологий «big data» и продвинутой аналитики занято около 6 млн. специалистов;
- создание приложений для «Интернета вещей» занято 2 млн. разработчиков, из них более 50%, пишут программные коды, задействования сенсоров того или иного устройства.

Текущей особенностью технологического развития США является то, что секретная по своей сути технология - **выявление подсознательных политических предпочтений на уровне конкретных избирателей** – была создана в коммерческой сфере.

Для того, чтобы государство получило возможность регулировать использование той или иной коммерческой технологии, её надо засекретить. По мнению сенатора

Д.Фейнштейн (Dianne Feinstein, Democrat from California), вице председателя особого сенатского комитета по разведке, сейчас эта система сломана. Видимо, для начала должны получить политическую оценку угрозы распространения такой технологии, в том числе экспорта, причём потенциальные угрозы должны учитывать не только внешнеполитические, но также технологические и социальные тенденции (факторы)!!!

Как уже отмечалось выше, для победы команде Трампа надо было построить надёжные сценарные прогнозы поведения избирателей, соответствующие потенциальным тенденциям развития сети Интернет и цифровых технологий в целом. И такая сложнейшая задача нашла своевременное решение. Уже 18 ноября 2016 года в Вашингтоне были обнародованы рекомендации упомянутого выше Центра CLTC, изложенные в ранее подготовленном документе под названием «Будущее кибербезопасности 2020» («Cybersecurity future 2020»).

Разработанные Центром сценарии представляют собой некие эвристические конструкции, обозначающие новые гипотезы, догадки и/или идеи о будущем. При этом сценарные прогнозы опираются на три базисных гипотезы, суть которых состоит в следующем:

1. Развитие современной экономики нельзя объяснить только одним каким-либо фактором – «технологией», человеческим поведением, государственным регулированием или бизнес-моделью, - воздействие всех этих значимых факторов наслаивается друг на друга.
2. Быстрое изменение социально-экономических условий, как правило, обусловлено непредвиденными сдвигами, в структуре, казалось бы, несвязанных между движущих факторов, которые сопряжены с динамикой ситуации в совершенно различных сферах, – охрана здоровья, рынки, нормы социального поведения, и проч.
3. Новые важные стратегии разрабатываются независимо от созданных ранее моделей; они акцентируют внимание на том, как будущее может отличаться от настоящего существенными, хотя, вероятно, и нежизнеспособными (в долгосрочном аспекте) формами.

Сценарный подход включает ряд новых вопросов глобальной безопасности, возникших на пересечении технологических и социальных аспектов развития информационно-коммуникационных технологий. В рамках такого подхода кибератаки на компьютерные устройства (и/или сети таких устройств), и соответственно, их защита, представляют собой только часть проблемы.

6.1. Прогноз информационной безопасности на конец полномочий администрации Трампа

Уже в недалёком будущем само понятие «кибербезопасности», в очень существенной степени будет зависеть от выбора той или иной стратегии технологического, социального и политического развития международной обстановки.

По этой причине авторы упомянутых выше сценариев полагают, что круг такого рода исследований в области кибербезопасности уже очень скоро существенно расширится, а потому так важно попытаться заранее обозначить новые существенные факторы (в том числе угрозы!) тесно связанные с этим понятием.

1) В сложившейся ситуации Америке жизненно необходим новый, причём тщательно регулируемый поток лжи и дезинформации.

БУДЕТ ОЧЕНЬ ПЛОХО, если американская руководство (подобно SEC на Интернет-бирже!) не сможет успевать контролировать поток соответствующих инноваций и своевременно предотвращать использование лжи во вред интересам страны.

Надо научиться своевременно и надёжно (быстро и точно) отличать ложь от правды в онлайн-социальных сетях (например, встраивая в информационный трафик автоматизированные программы типа «детектор лжи»). Это трудно, но такого рода программы уже разрабатываются.

To that end, the report calls for further investment in artificial intelligence research and development. Specifically, the White House sees the technology's applications in cyber defense and fraud detection as particularly promising.

Artificial intelligence could cost millions of jobs. The White House says we need more of it. https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2016/12/20/ai-could-cost-millions-of-jobs-the-white-house-says-we-need-more-of-it/?utm_term=.568bbc6d4bf1&wpisrc=nl_headlines&wpmm=1

Вероятно, поначалу соответствующая онлайн-услуга может стоить очень дорого. Однако будем надеяться, что рано или поздно в США будет принят закон, гарантирующий такой услуге универсальную общедоступность (подобно доступу к широкополосному Интернету). Это, по нашему мнению, может свидетельствовать о зрелости формирующегося в Америке демократического информационного общества.

2) Логично поставить вопрос, а какие проблемы кибербезопасности могут стать актуальными в конце полномочий администрации президента Трампа, скажем, в 2020 г. накануне следующих президентских выборов? Это могут быть далеко не только физическая и противовирусная защита всех стационарных и мобильных компьютеров, используемых в системах голосования и подсчёта голосов, но также и своевременное распознавание и дискредитация дезинформации, предотвращение её возможных тяжёлых последствий (например, разоблачение параноидальных подозрений или наоборот, недооценка потенциала террористов).

Часть ответов на эти вопросы содержится в сценариях, разработанных группой междисциплинарных экспертов Центра CLTC. В подобном сценарии на основе будущих возможностей развития «взаимосвязей между человеком и технологиями» допускается модификация самого понятия «безопасности», например, - «Безопасность – это такое состояние, когда человек должен точно знать, что рядом с ним мной нет ни одного человека, имеющего преступные намерения».

Как известно, разработка различных стратегий обеспечения безопасности обычно опирается на сценарии потенциальных угроз, сформулированных в военно-политических доктринах. Однако в XXI веке многие серьёзные угрозы могут носить неявный характер и упоминаться в доктринах только косвенно.

Уже в ближайшем будущем большинство людей и «вещей» будут соединены цифровыми сетями, а понятие «кибер» станет всеобщим. Соответственно, расширится содержание термина «безопасность», которое тоже надо будет переосмыслить (подобно расширению понятия «национальная безопасность» произошедшему после окончания «холодной войны»).

В одном из таких сценариев предполагается, что сетевые устройства смогут тщательно контролировать не только место нахождения, но и эмоциональное состояние человека. В этой связи, Б. Купер (Betsy Cooper), исполнительный директор CLTC, в своей заметке в популярном американском интернет-издании «Хаффингтон пост» задаётся вопросом, а что если в 2020 г. портативные устройства смогут в реальном времени контролировать эмоциональное состояние человека (уровень гормонов, ритм сердца, выражение лица, оттенки голоса и проч.)? Тогда Интернет может стать мощной системой «эмоционального считывания», затрагивающей наиболее интимные стороны человеческой психологии. В этом случае термин «персональных данных» придётся распространить и на параметры эмоционального состояния человека.

А что если эти технологии позволят киберпреступникам или враждебным государствам контролировать ментальное, эмоциональное и психическое состояние не только отдельных людей (в том числе политических лидеров), но и влиять на так называемую «пассионарность» больших контингентов населения, целого народа? Соответственно, может измениться и понятие угрозы и задачи обеспечения кибербезопасности национального государства.

7. Дополнение

Интернет располагает неограниченными возможностями, а также содержит многочисленные угрозы, противодействие которым требует последовательного совершенствования не только технологий информационной безопасности, но также и системы договорённостей о правилах поведения в сети.

5 декабря 2016 г. Президент России В.Путин подписал указ, утверждающий новую Доктрину информационной безопасности Российской Федерации. В разделе «Основные информационные угрозы» этого Документа (п.12) упоминается угроза «оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных районах мира». В контексте описанных выше весьма специфических технологий, а также учитывая очень широкую, фактически глобальную распространенность социальных сетей, средства влияния на политическую активность больших контингентов населения, можно считать одной из достаточно серьёзных информационных угроз национальной безопасности России.

Помимо прочего, мерами противодействия такой угрозе, по нашему мнению, могли бы стать специальные договорённости, регламентирующие применение «big data» во внутривнутриполитической сфере других стран. (Было бы целесообразно дополнить круг задач информационной безопасности, включив в него задачу противодействия применению новых технологий типа «big data» в политической сфере.)

В Доктрине дано важное перспективное определение - «стратегической целью обеспечения информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнёрства является формирование устойчивой системы неконфликтных межгосударственных отношений в информационном пространстве».

Но Интернет, к сожалению, не может быть полностью бесконфликтным. С одной стороны, постоянно ужесточаются способы ведения и конкурентной и политической борьбы. С другой стороны, развиваются новые сенсорные, интеграционные и аналитические системы и технологии – прежде всего, «интернет вещей», «big data» и «Искусственный интеллект».

В своё время Б.Обама, обращаясь к корпорациям Силиконовой Долины, просил инноваторов «затруднить террористам использование социальных сетей для ухода от заслуженного наказания». С точки зрения Международной информационной безопасности, а также в контексте перспективных угроз хотелось бы надеяться на то, что ни международный бизнес, ни террористы не смогут использовать опробованные в реальной политической борьбе супертехнологии для вмешательства во внутривнутриполитические процессы других стран.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ

Владимирская О.Ю.

Колония Фурии: панэллинство или инструмент афинской экспансии?

*Санкт-Петербургский Государственный Университет, Институт Истории
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi:10.18411/spc-01-02-2017-06

idsp: 000001:spc-01-02-2017-06

Одним из главных тем противостояния между афинскими демократами во главе с Периклом и формирующейся в середине V в. до н.э. олигархической партией стал вопрос о направлении внешней экспансии Афин. При этом, сторонники олигархии, такие как Кимон, а вслед за ним Фукидид сын Мелесия, добивались продолжения военного противостояния с персами, в чем они видели продолжение дела Эллинского союза, общего для всех греков. Однако поражение афинского флота в Египте, случившееся в 454 г. до н.э., надолго поставило крест на этих устремлениях. Между тем, расширяющемуся Афинскому морскому союзу необходимо было наращивать импорт хлеба. В результате, взоры афинских политиков все чаще обращались на запад, к плодородным нивам Южной Италии и Сицилии. Проблема состояла в том, что этот регион Средиземноморья издавна считался сферой влияния пелопоннесцев и, прежде всего, Коринфа, поэтому проникновение туда неизбежно означало рост напряженности с государствами – членами Коринфской лиги, включая Спарту.

Уже в 50-х гг. до н.э. Афины заключают союзнический договор с Эгестой, греческим городом на северном берегу Сицилии [8, №37]. Также имеются дошедшие до нас каменные доски с декретами о союзе Афин с Регием и Леонтинами, относящиеся к 433-32 гг. до н.э., причем идентичность текстов вступления к обоим договорам позволяет допустить, что они были утверждены на одном и том же народном собрании [6, с.61].

Ожесточенная политическая борьба разгорелась в Афинах по поводу выведения колонии на место разгромленного города Сибарис в Южной Италии, на побережье Тарентийского залива [7, р.156]. Этот город был основан ахейцами и трезенцами около 720 г. до н.э., и описывается античными историками, в том числе Страбоном, как весьма могущественный и богатый. В 510 г. до н.э. тиран Сибариса Тэлий начал войну с Кротоном, в которой сибариты были разгромлены и изгнаны со своей земли, а их город разрушен до основания. (Her.V .44; VI.21; Diod. X.23). Уцелевшие сибариты трижды пытались вновь заселить свой город, но терпели неудачу. Четвертая попытка заселения произошла, согласно Диодору Сицилийскому (XII.10), в 446 г. до н.э., причем, поскольку сибариты уже не рассчитывали на собственные силы, они обратились за помощью в Афины и Спарту. По сведениям, которые сообщает Диодор (XII.10), спартанцы дали отрицательный ответ, из Афин же были отправлены десять кораблей под командованием ойкистов Лампона и Ксенокрита. Факт отправки в Южную Италию группы переселенцев подтверждает и Плутарх, который писал, что Перикл отправил клерухов в Сибарис (Plut.Per.11).

Казалось бы, это был вполне логичный ход в экспансионистской западной политике Перикла. К тому же, оба ойкиста новой колонии, Лампон и Ксенокрит, были людьми из его ближайшего окружения. Подтверждает точку зрения о выведении новой колонии как о попытке расширить сферу влияния Афинского морского союза на запад и тот факт, что, отправляясь в путь, колонисты не стали обращаться за предсказаниями к Дельфийскому оракулу. Это было логично, поскольку покровителем союза со времени переноса казны с Делоса в Афины считался не Аполлон, а Афина. Однако

затем события приобретают неожиданный характер: афиняне вдруг решают придать новой колонии панэллинский характер, и сами направляют посольства к пелопоннесцам и другим эллинам с приглашением поучаствовать в создании новой колонии. На этот раз в Пелопоннесе решили поддержать инициативу, но на свой лад. Переселенцы избрали собственного ойкиста, Дионисия Халка (Plut.Nic.5), кроме того, они обратились в Дельфы, где получили оракул, предписывавший основать город там, где намереваются жить те, «кто пьет в меру воды и съедает безмерное количество мяса» (Diod.XII.10), - стандартное предсказание с советом поселиться там, где есть вода и плодородная земля, без конкретных географических указаний.

Прибыв в Сибарис, новые многочисленные колонисты вскоре приняли решение перенести город в другое место, к находящемуся поблизости источнику воды. Афиняне и сибариты, по-видимому, оказавшиеся в меньшинстве, были вынуждены считаться с мнением вновь прибывших, и город был перенесен, получив название Фурий. Затем между переселенцами случился конфликт, вызванный притязаниями сибаритов на привилегированное положение в городе и на право занимать ряд должностей. В результате, часть из них была перебита, а остальные изгнаны из Фурий (Diod.XII.10-11). Оставшиеся в живых поселились у реки Траис, где (возможно, с помощью родосцев) был основан город Сибарис на Траисе (Diod.XII.22; Strabo.VI.1.14).

Относительно точной датировки основания колонии существуют две даты. Одну из них называет Диодор (Diod.XI.90; XII.10): 446 г. до н.э., посольство сибаритов и основание колонии совместно с афинянами. Другую дату основания колонии, 443 год, указывает Плутарх (Plut.Mor.835c-d; Per.11c). Вероятно, обе эти даты уместны: 446/45 г. до н.э. – основание нового Сибариса, а в 443 г. до н.э. происходит возникновение собственно Фурий. Далее гражданский коллектив был разделен на 10 фил, получивших название по именам метрополий: Аркадия, Ахайя, Афиния, Беотия, Эвбея и т.д. (Diod.XII.11). Высказывалось мнение о том, что афиняне занимали в государстве особое положение, возглавляя все 4 филы выходцев из Афинского морского союза, но нам это представляется сомнительным в виду кризиса, который постиг союз как раз в эти годы.

Государственный строй, установившийся в Фуриях, вряд ли можно назвать демократическим, хотя Диодор и утверждает обратное, не уточняя, впрочем, подробностей политического устройства колонии (Diod.XII.10). С другой стороны, согласно Аристотелю, в Фуриях установилось олигархическое правление, а принятое там законодательство Харонда имело скорее антидемократическую направленность, на что указывает, например, специальный закон против сикофантов. Существовавшая в Фуриях коллегия симбулов, должностных лиц, призванных наблюдать за исполнением и сохранением законов, по своим функциям напоминает олигархическую коллегия пробулов (Aristot.Pol. V.6.8.1307a-b.10-15; Diod.XII.12; Strabo.VI.1.8). Наконец, долго продолжавшиеся между фурийцами споры о том, кто же является истинным основателем колонии, были разрешены обращением к Дельфийскому оракулу, который назвал ойкистом самого Аполлона (Diod.XII.35). Это решение, вопреки тому, что афиняне даже не обращались в Дельфы перед отплытием в Сибарис, может говорить о преобладании в колонии пелопонесского элемента.

Встает вопрос, почему Афины, вопреки очевидным соображениям политической выгоды, не ограничились при создании колонии собственными гражданами и выходцами из других полисов Афинского союза, но вместо этого в какой-то момент решили предать этому характер общегреческого дела, что привело к потере ими доминирующих позиций? Ответ может лежать в обстоятельствах внешней политики. Как раз на время основания новой колонии пришелся военный кризис в Афинском морском союзе - восстание на острове Эвбея, которое было подавлено к осени 446 г. до н.э. Вскоре за этим последовало заключение Тридцатилетнего мира с Коринфской лигой (Thuc.I.114-115; Plut.Per.22-23). Однако скорее это связано с политической

борьбой внутри самих Афин, инспирированной кризисом морского союза. [9, S.147]. Согласно анонимному жизнеописанию вождя партии афинских олигархов Фукидида сына Мелесия, Перикл не был переизбран на должность стратега в 444\43 г.до н.э., а руководство государством перешло как раз в руки Фукидида. Тогда именно ему принадлежит инициатива о придании новой колонии панэллинского характера (Anon. vita Thuc.7). Впервые такую гипотезу выдвинул Х. Т. Уэйд-Джери [10, p.221].

Анонимный источник сообщает, что Фукидид лично посетил новую колонию и подвергся изгнанию по возвращении из своей поездки, причем его изгнание предсказал ни кто иной, как прорицатель Лампон, бывший одним из ее ойкистов, а другой ойкист, Ксенокрит, инспирировал судебное дело (Anon. vita Thuc.7). Как мы уже говорили выше, афинская олигархическая партия, признанным главой которой был Фукидид сын Мелесия, всеми силами стремилась избежать конфликта с Пелопоннесским союзом, который становился неизбежным при вторжении Афин в пелопоннесскую сферу влияния. В конечном итоге именно это и привело к началу продолжительной и губительной для Афин Пелопоннесской войны. Фукидид сын Мелесия мог даже принести в жертву миру свою политическую карьеру ради этой цели, но отсрочил начало войны всего на два года. Так или иначе, но западная политика Перикла, развивавшаяся последовательно и успешно вплоть до заключения союзного договора с Керкирой в 433 г. до н.э., в Фуриях дает явный сбой, который трудно объяснить чем-то кроме временной потери Периклом и его партией рычагов государственного управления [5, с.74].

Список используемых источников информации

1. Aristoteles. Politica/ Post Fr.Susemihlium recognovit O.Immisch. Leipzig, 1909. - Аристотель. Политика/ Пер.С.А.Жебелева/ Под ред. А.И.Доватура// Аристотель. Сочинения в четырех томах, т.4. М., 1983.
2. Herodotus. Historiae/ Ed.H.B.Rosen, vol.I-II. Leipzig, 1987. - Геродот. История/ Пер. Г.А. Стратановского. М., 1993.
3. Diodori Siculi opera/ Ed.I.Beccer, T.II. Lipsiae,1856.
4. Plutarchus. Vitae parallelae/ Recognovit Cl.Lindskog et K.Ziegler, vol.I-III. Leipzig, 1957-1973. - Плутарх . Сравнительные жизнеописания/ Изд. подгот. С.С.Аверинцев, М.Л.Гаспаров, С.П.Маркиш, т. I - II. М., 1994.
5. Thucydides. Historiae/ Iterum recensuit C.Hude. Editio maior, vol.I-II. Leipzig, 1913-1925. - Фукидид. История/ Пер.Г.А.Стратановского. Л., 1981.
6. Корзун М.С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444-425 гг. до н.э. Минск, 1975.
7. Строгоцкий В.М. Политика Афин в западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания Фурий// Город и государство в античном мире: Проблемы исторического развития. Л., 1987. С.55-79.
8. Ehrenberg V. The Foundation of Thurii// AJPh, vol.69, 1948. P.149-170.
9. Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxford, 1969.
10. Meyer H.D. Thukydidies und die oligarchische Opposition gegen Perikles//Historia, Bd.XVI, H.2, 1967. S.141-154.
11. Wade-Gery H.T. Thucydides the Son of Melesias// JHS, vol.LII, 1937. P.205-227.

Научное издание

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник научных трудов, по материалам
IV международной научно-практической конференции
1 февраля 2017 г.

SPLN 001-000001-0092-0K

Подписано в печать 11.02.2017. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.2,07
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович